

Федор Тютчев

Полное собрание стихотворений

Федор Тютчев

Полное собрание стихотворений

«Public Domain»

Тютчев Ф. И.

Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев — «Public Domain»,

«Уже великое небесное светило, Люющее с высоты обилие и свет, Начертанным путем годичный круг свершило И в ново поприще в величии грядет! — И се! Одеанный блистательной зарею, Пронзив эфирных стран белеющийся свод, Слетает с урной роковою Младый сын Солнца – Новый год!...»

Содержание

Стихотворения	6
На новый 1816 год	6
Двум друзьям	8
«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...»	9
Послание Горация к Мecenату, в котором приглашает его к сельскому обеду	10
«Всесилен я и вместе слаб...»	13
Урания	14
С. Е. Раичу («Неверные преодолев пучины...»)	19
К оде Пушкина на Вольность	20
Харон и Каченовский	21
Одиночество	22
Весна (Посвящается друзьям)	24
А. Н. М<уравьеву>	25
Гектор и Андромаха	26
«Не дай нам духу празднословия!..»	28
Противникам вина	29
Послание к А. В. Шереметеву	30
Песнь Радости	31
Друзьям при посылке «Песни Радости» из Шиллера	35
Слезы	36
С чужой стороны	37
«Друг, откройся предо мною...»	38
«Как порою светлый месяц...»	39
К Н.	40
К Нисе	41
Песнь скандинавских воинов	42
Проблеск	44
В альбом друзьям	45
Саконтала	46
14-е декабря 1825	47
Вечер	48
С. Е. Раичу («На камень жизни роковой...»)	49
«Закралась в сердце грусть, – и смутно...»	50
Вопросы	51
«За нашим веком мы идем...»	52
Кораблекрушение	53
Весенняя гроза	55
Могила Наполеона	56
Cache-cache[2]	57
Летний вечер	58
Видение	59
Олегов щит	60
Бессонница («Часов однообразный бой...»)	61
Утро в горах	62
Снежные горы	63

Полдень	64
Сны	65
Двум сестрам	66
Императору Николаю I	67
К N. N.	68
«Еще шумел веселый день...»	69
Последний катаклизм	70
Безумие	71
«Здесь, где так вяло свод небесный...»	72
Странник	73
Успокоение	74
Ночные мысли	75
Весеннее успокоение	76
Приветствие духа	77
Певец	78
«Запад, Норд и Юг в крушенье...»	80
Заветный кубок	82
Из «Вильгельма Мейстера» Гёте	83
«Кто с хлебом слез своих не ел...»	83
«Кто хочет миру чуждым быть...»	83
Из Шекспира	84
«Любовники, безумцы и поэты...» ¹	84
Песня	84
Байрон	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Федор Иванович Тютчев

Полное собрание стихотворений

Стихотворения

На новый 1816 год

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одеанный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый сын Солнца – Новый год!..
Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вращающихся времен,
Как капля в океан, он в вечность погрузился!
Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ...
О Время! Вечности подвижное зеркало! —
Всё рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей!..
Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред грозным богом сим?
Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вокруг развалин Илиона
Колючи терны обвилились!..
А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..
Возвышенный твой сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал?..
И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отъять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно!..
Слепец! Стезя богатств к гибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва евменид,

Блеск пышности твоей, грабитель!
Богинь сих грозных не пленит!..
Там вечно будешь зреть секиру изощренну,
На тонком волоске висящу над головой;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны – червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет – на жупел раскаленный, —
И вечный вопль пронзит твой слух!
Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград!
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! —
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! —
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

Начало 1816

Двум друзьям

В сей день, блаженный день, одна из вас прияла
И добродетели и имя девы той,
Котора споборала
Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.

Она обеих вас на то произвела,
Чтоб ваши чувства и дела
Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали.
Разлука угнетает вас,
О верные друзья! Настанет вскоре час —
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
И в излиянии сердец
Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..

4 декабря 1816

«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...»

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего Пиериды покроют
И *Дивного* во храм бессмертья проведут!

8 мая 1818

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!
Возжженны не лстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лиют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;

Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.
Под кровом сельского Пената,
Где всё красуется, всё дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, —
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов всё льет отраду нам!
Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал – и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладой слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемида жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан – благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! —
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! —

Как! Прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец – посмешище богов!
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам – судьбине;
Так предадим его на произвол благих!
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по серебру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час – и, бурный вскоре,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!

Но час – и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветер!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиление,
Возревши на Вождя светил,
Текущего почить в Нептуновы владенья,
Кто может, радостный, сказать себе: «Я жил!»
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вокруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет —
Для смертных всё равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир – игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен – не ропщу, – и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облакаюсь в добродетель!..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланные крутит и воздымает
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,

И бранных кораблей
Рвет снасти, всё крушит в свирепости своей...
Отчизны мирной покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейских волн,
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

⟨1819⟩

«Всесилен я и вместе слаб...»

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю – о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

Вторая половина 1810-х годов

Уrania

Открылось! – Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! —
Се муз бесценный дар – се вдохновенья крыла!
Несусь – и дольный мир исчез передо мной, —
Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, —
Исчез! – Как солнца луч златой,
Коснулся вежд эфир небесный...
И сваял прах земной...
Я зрю превыспренных селения чудесны...
Отсель – отверзшимся таинственным вратам —
Благоволением судьбины
Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце – лик богов;
Как тихий трепет – ожиданье;
Окрест священное молчанье.
И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из серебряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всемогущих харит,
Здесь образ *Уrania* свой восприняла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле *мечтою* пленяло,
Как *Истина* то нам и здесь предстоит!
Токмо здесь под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый Аквилонем,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн Поэзии венок!..
Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесныя* храм; —
И *Мудрость* приветствует горним плененных

Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се *Мир* вечно юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, *Благосердие*, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная *Доблесть* с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет!..
Средь них, вокруг них в святом благоговеньи
Свершает по холмам облаковидных гор
В кругах таинственных теченье
Наук и знаний светлый хор...
Уrania одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явление;
Как звезд река, по небосклону вкруг

Простершись, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Уrania, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? —
Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? – Где мой град?
Где славный Персеполь? – Где Мемнон, мой глашатай?
Их нет! – Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, бренного величья мрачный вид!..
И Солнце в путь стремится дальный:
Эгея на берегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады

Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,
И сладки песни пастухов; —
Рим встал, – и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..

Но что сретае взор? – Куда, куда ты скрылась,
Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..» —
Рекла *Урания* и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленную главу
Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..

Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозная ужасная краса!
Всё возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И Солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; —
Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, молодой Певец,
Принесший песни к нам с берегов другого мира; —
Но кто сии два гения стоят?
Как светоносны серафимы,
Хранители Эдемских врат
И тайн жрецы непостижимых? —
Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносят к небу взор
В огне божественных мечтаний!..
Почто горит лицо морских пучин?

Куда восторженны бегут Тамизы воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;
Другой, как благодать, благовестит спасенье
И путь, ведущий к небесам.
И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском хладных зорь, под свистом льдистых выюг,
Восстал от Холмогор, – как сильный кедр, высокой,
Встает, возносится и всё объемлет вокруг
Своими крепкими ветвями;
Подъемлясь к облакам, глава его блеснит
Бессмертными плодами.
И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, —
Так Русский Пиндар встал! – взнес руку к небесам,

Да воспретит пылающим громам;
Минервы копием бьет недра он земные —
И истекли сокровища златые;
Он повелительный простер на море взор —
И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..
Певец, на гроб *отца, царя-героя*,
Он лавры свежие склонил
И дни бесценные блаженства и покоя
Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы новые зарделися в лучах...
Там, там, в стране денницы,
Возник *Певец Фелицы*!..

Таинственник судеб прорек
Царя-героя в колыбели...
Он с нами днесь! *Он* с неба к нам притек,
Соборы гениев с *ним* царственных слетели;
Престол *его* обстали вокруг;
Над *ним* почиет божий дух!
И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всесильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно к *твоему* склоняся престолу,

Перуны спят горе и долу.
И здесь, где всё – от благи *твоей*,
Здесь паки гений просвещения,
Блистая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! —
Здесь клятвы он дает священные,
Что, постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете.

⟨1820⟩

С. Е. Раичу («Неверные преодолев пучины...»)

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущий
Восторженный цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..
И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, —
И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег — и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою —
Да ветвию от древа Аполлона
Его питомца я увью!..

14 сентября 1820

К оде Пушкина на Вольность

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседряющею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.
Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден?
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!
Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820?

Харон и Каченовский

Харон

Неужто, брат, из царства ты живых —
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!

Каченовский

Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был – отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...

1820?

Одиночество

(Из Ламартина)

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерёв
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, – и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.

Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилён солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где встречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного – и мир весь опустел.
Встает ли день, ночные ль сходят тени —
И мрак и свет противны мне...
Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье.
Когда на лучший мир покину дольный прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполнение,
Где солнцы истины в нетленных небесах?..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится
И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли божества!

Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва!..
Встает гроза, и вихрь, и лист крутит пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины, —
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Между 1820 и мартом 1822, <1823>

Весна (Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!..
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!

Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвеваает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!
Где вы, Гармонии сыны?
Сюда!.. И смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..
Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,
Блистают розы и горят;
Как зефир в радостном полете
Их разливает аромат, —
Так разливайся жизни сладость,
Певцы!.. За вами по следам!
Так порхай наша, други, младость
По светлым счастья цветам!..

Вам, вам сей бедный дар признательной любви,
Цветок простой, не благовонный,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..

⟨1821⟩, ⟨1828⟩

А. Н. М<урьеву>

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.
О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь – сам опыт в том порукой, —
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

Гектор и Андромаха

(Из Шиллера)

Андромаха

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани
Где с булатом в неприступной длани
Мстительный свирепствует Пелид?..
Кто же призрит Гекторова сына,
Кто научит долгу властелина,
Страх к богам в младенце поселит?..

Гектор

Мне ль томиться в тягостном покое?..
Сердце жаждет прохлажденья в бое,
Мести жаждет за Пергам!..
Древняя отцов моих обитель!
Я паду!.. но, родины спаситель,
Сниду весел к Стиксовым брегам...

Андромаха

Суждено ль мне в сих чертогах славы
Видеть меч твой праздный и заржавый? —
Осужден ли весь Приамов род?..

Скоро там, где нет любви и света, —
Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..

Гектор

Все души надежды, все порывы —
Всё поглотят воды молчаливы, —
Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя!
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..

Бесконечна Гектора любовь!..

⟨1822⟩

«Не дай нам духу празднословия!..»

«Не дай нам духу празднословия!»

Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.

Начало 1820-х годов

Противникам вина

(Яко и вино веселит сердце человека)

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.
Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.
Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан подделом.

Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?
Но честь и слава Ноею, —
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.
Ни ссоры, ни упрёку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.
Благие покушенья
Сам бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.
Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.
Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х годов

Послание к А. В. Шереметеву

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома

Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность – горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет
С умом, душою и душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!

Январь 1823

Песнь Радости

(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославления,
Предаем тебе сердца!
Всё, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш Отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!
Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал Радость, —
Радость нашу раздели.

Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, — из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! О, луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный!*
У грудей благой природы
Всё, что дышит, Радость пьет!
Все создания, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье,

Ангел – богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени – солнце там, —
Выше звезд его ищите!..
Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы – хаос развила
И в пространствах – звездочету
Неподвластных – разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам!
В ярком истины зеркале
Образ *твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.

Ты, как облак прохладенья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! —
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!
Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,

Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести – купим друга,
Пурпур – вретница ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит бог, как *мы* судили!..
Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живет!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, – на колена!
Всеблагодару кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!
Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!

Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело —
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к твоей, Отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность,

Наши клятвы – гимн сердец!

Февраль 1823

Друзьям при посылке «Песни Радости» из Шиллера

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах – луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.
И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщется звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!
Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!),
К протекшему душою улетал
И Радость пел – пока о вас мечтал.

Между февралем 1823 и серединой 1826

Слезы

O lacrimarum fons... Gray¹

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.
Люблю смотреть, когда создання
Как бы погружены в весне
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..
Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То шелк кудрей взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!
Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..
Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.
И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

---

¹ О источник слез... Грей (лат.). – Ред.

С чужой стороны

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его выюга лелеет.
Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

1823 или 1824

«Друг, откройся предо мною...»

(Из Гейне)

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..
Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.
Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты его кумиры, —
Их творить поэт горазд.
Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

Между 1823 и 1829

«Как порою светлый месяц...»

(Из Гейне)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч —
Так, один, в ночи бывшего
Светит мне отрадный луч.
Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.
И у ног прелестной дамы
Я в раздумий сидел,
И на милом, бледном лице
Тихий вечер пламенел.
Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.
Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах —
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

Между 1825 и 1829

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умиловить их —
Он служит им укрою безмолвной.
Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыхание.
Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

К Нисе

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградила от нас.
Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.
Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, —
Наших чувств тебе, знать, мало, —
Ниса, Ниса, бог с тобой!

⟨1825⟩

Песнь скандинавских воинов

(Из Гердера)

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой!..
Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит – перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.
За ним, за ним – в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов —
Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладой сна, —
Кровавая битвы подымет волна!..

Дружина, воспрянь!..

Смерть иль победа!..
На брань!..

«1825»

Проблеск

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!
Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!
О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.
Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!
Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.
Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —
И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

⟨1825⟩

В альбом друзьям

(Из Байрона)

Как медлит путника внимание
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его нет боле в вашем круге,
Но сердце здесь погребено!..»

⟨1826⟩

Саконтала

(Из *Gëte*)

Что юный год дает цветам —
Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар, всемогущий;
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья, —
Всё, всё Поэзия слила
В тебе одной — *Саконтала*.

«1826»

14-е декабря 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!

Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула —
И не осталось и следов.

1826

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.
Как море внешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Около 1826; <1829>

С. Е. Раичу («На камень жизни роковой...»)

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл – неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы, —
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру, —
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Он чтил в молодые лета —
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.

Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.
И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая, —
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье – быстро...
А спорил в жизни только раз —
На *диспуте магистра*.

1827?

«Закралась в сердце грусть, – и смутно...»

(Из Гейне)

Закралась в сердце грусть, – и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда всё было так уютно
И люди жили как во сне.
А нынче мир весь как распался:
Всё кверху дном, все сбились с ног, —
Господь-бог на небе скончался
И в аде сатана издох.
Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Между 1826 и 1829

Вопросы

(Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем
Муж-юноша стоит —
В груди тоска, в душе сомненье, —
И, сумрачный, он вопрошает волны:
«О, разрешите мне загадку жизни,

Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов —
В египетских, халдейских шапках,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками, и обритых, —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися, и сохли, и потели, —
Скажите мне, что значит человек?
Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветер, и гонит тучи,
И звезды светят хладно-ясно —
Глупец стоит – и ждет ответа!

Между 1827 и 1829

«За нашим веком мы идем...»

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шаг – отстает.

Между 1827 и 1829

Кораблекрушение

(Из Гейне)

Надежда и любовь – всё, всё погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной – пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,

И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадные встают!
Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..
О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскресился
И к солнцу, как орел, парил!..

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Всё, всё погибло – счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один, —
На дикий берег заброшенный грозою,
Лежу простерт – и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..

Между 1827 и 1829

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

«1828», начало 1850-х годов

Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...
Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...
...
...
И ум людей твоею тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.

⟨1828⟩

Cache-cache²

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.
Гвоздики не даром лукаво глядят,
Не даром, о розы, на ваших листах
Жарче румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!
Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.
Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.
Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

⟨1828⟩

---

² Игра в прятки (фр). – *Ред.*

Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.
Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.
И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды.

⟨1828⟩

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

⟨1829⟩

Олегов щит

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!..»

3

Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

1829, начало 1850-х годов

Бессонница («Часов однообразный бой...»)

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?
Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.
И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...
И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

«1829»

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.
Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

⟨1829⟩

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилась гора
С своими черными лесами.
Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...
И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —
Горе, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

⟨1829⟩

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.
И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

⟨1829⟩

Сны

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

«1829»

Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

⟨1829⟩

Императору Николаю I

«Из Людвига Баварского»

О Николай, *народов победитель*,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...
Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
Ликуйте, христиане!
Ваш бог, бог милостей и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.

Тебе, тебе, послу его велений —
Кому сам бог вручил свой страшный меч, —
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
Бледнея пред тобою,
Луна покрылась тьмою —
Владычеству Корана не восстать...

Твой гневный глас послыша в отдаленье,
Содроглися Османовы врата:
Твоей руки одно лишь мановенье —
И в прах падут к подножию креста.
Сверши свой труд, сверши людей спасенье.
Реки: «Да будет свет» – и будет свет!
Довольно крови, слез пролитых,
Довольно жен, детей избитых,
Довольно над Христом ругался Магомет!..
Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлен твой взор.

Но тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам своим изрек их приговор...
Он сам от них лицо свое отводит,
Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
Стамбул исходит —
Константинополь воскресает вновь...

«1829»

К N. N.

Ты любишь! Ты притворствовать умеешь:
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!
Всё тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной!..
Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет... Он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.
Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с молодых твоих ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.
Но так и быть... В палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

«1829»

«Еще шумел веселый день...»

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала,
И доносились порой
Все звуки жизни благодатной, —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный – и невнятный.
Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье...
Не знаю, долгод ли был сон,
Но странно было пробужденье...
Затих повсюду шум и гам
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...
Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлёк, незримый, в царство теней.

1829, 1851

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

«1829»

Безумие

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!.

⟨1829⟩

«Здесь, где так вяло свод небесный...»

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...
Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

⟨1829⟩

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..
Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...
Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

«1829»

Успокоение

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

⟨1829⟩

Ночные мысли

(Из Гёте)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви – и ввек не знали!

Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

«1829»

Весеннее успокоение

(Из Уланда)

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!
Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалика,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

«1829»

Приветствие духа

(Из Гёте)

На старой башне, одинок,
Дух рыцаря стоит —
И, лишь завидит он челнок,
Приветом огласит:
«Играла жизнь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца...
Пробушевал полжизни я —
Полжизни проволока...
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток».

1829, начало 1830-х годов

Певец

(Из *Gëte*)

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..
«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечеть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор – не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»
Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен – поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой —
Почтить певца седого!..
«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты витязям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..
На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной, —
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом господь благословил,
Где это – скудным даром!..
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..
»

1829»

«Запад, Норд и Юг в крушение...»

(Из Гётева «Западно-Восточного дивана»)

Запад, Норд и Юг в крушение,
Троны, царства в разрушение, —
На Восток укройся дальний
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существование!..
Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,
Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль – тесна, пространна вера,
Слово – в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..
То у пастырей под кущей,
То в оазиси цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.
Песни Гафица святые
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,

Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.
То упыюся в банях ленью,
Верен Гафица учению:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..
И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся рая,
Дар бессмертья вымоляя!..

«1829»

Заветный кубок

(Из Гёте)

Был царь, как мало их ныне, —
По смерти он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.
Ценил его высоко
И часто осушал, —
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.
Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит всё наследство, —
Но кубка не дает.
И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море — кубок свой...
На дно пал кубок морское, —
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое,
Царь пил в последний раз!..

⟨1829⟩

Из «Вильгельма Мейстера» Гёте

«Кто с хлебом слез своих не ел...»

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья
И после муками казнят:
Нет на земли проступка без отмщенья!

«Кто хочет миру чуждым быть...»

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
Так бродит ночью и днем
Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..

Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне —
В гробу, в земле сырой —
Там бросят и оне!

⟨1829⟩

Из Шекспира

«Любовники, безумцы и поэты...»¹

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленье,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображение виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и название!

Песня

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.
Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.
Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

«1829»

Байрон

Отрывок < Из Цедлица >

1

Войди со мной – пуста сия обитель,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их – и без смены
На страже здесь молчанье. На пороге
Не встретит нас с приветствием служитель,
На голос наш откликнутся лишь стены.
Зачем, о сын Камены
Любимейший, – ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного слова,
Зачем бежал ты собственного крова,
Зачем ты изменил отцовским ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший,
Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший!

2

Так, некогда здесь был жилец могучий,
Здесь песнями дышал он – и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалось игривое журчанье, —
Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,
Неслась по тверди мгlistой, —
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом, —
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, —
Так и его, как неземная сила,

Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
И нечто грудь теснило.
Как бы кругом воздушный слой, редая,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.